

УДК 882(929)

**ЛИРИКА Ф.И. ТЮТЧЕВА
В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ПОЗДНЕГО М. ХАЙДЕГГЕРА**

А.М. Саяпова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье даётся интерпретация философской сути образной системы Ф.И. Тютчева в сопоставлении с философскими рассуждениями М. Хайдеггера, которые отчётливо перекликаются с мыслями русского поэта, художественно реализованными в целом ряде его произведений. Символически ёмкие образы Ф.И. Тютчева, мотивированные «чувством тоски и ужаса», рассматриваются в контексте сентенций философии позднего М. Хайдеггера, которого волновали проблемы века индустриализации, нарушающего гармонию между человеком и миром, когда человек перестаёт быть «соотражённым с Целым». Метод «точечной» герменевтики даёт возможность исследования резонансных созвучий в типах мироощущения и творческого мышления Хайдеггера-философа, для стиля которого характерна поэзия слова, и Тютчева-поэта, в лирике которого первична мысль. Творческие соотношения в работах двух мыслителей изучаются в рамках онтологической проблемы, обозначенной М. Хайдеггером как «сущее в целом».

Ключевые слова: герменевтическая интерпретация, Ф.И. Тютчев, М. Хайдеггер, чувство тоски и ужаса, творческая тоска, озарение, сущее в целом, резонансное созвучие

Мы знаем, что мироощущение играет первейшую роль в формировании типа мышления человека, в том числе и творческого. Предмет нашего исследования в данном случае – лирика Ф.И. Тютчева, осмысленная через тип мироощущения поэта, соотнесённого с философией М. Хайдеггера, дающей возможность обнаружения явных перекличек в типах мышления Тютчева-поэта и Хайдеггера-философа.

Уже один из первых биографов Ф.И. Тютчева К.В. Пигарев писал: «Поэт не раз признавался своим близким, что для него привычны “состояние внутренней тревоги” и “чувство тоски и ужаса”. Время, бороздящее неизгладимыми морщинами любимые черты, пространство, разъединяющее людей и отдающее их во власть времени, и, наконец, смерть – равно враждебные человеку силы в глазах Тютчева. Именно они заставляют его с такой болезненной живостью и настойчивостью испытывать “сознание непрочности и хрупкости всего в жизни”» [1, с. 190].

Что такое это «чувство тоски и ужаса», когда мы говорим о творчестве поэта, о его мироощущении и типе мышления? Чувством этим проникнута значительная часть лирики Ф.И. Тютчева, чем определяется не только характер её

эмоционального тона, но и содержание поэтической мысли. О чувстве тоски в художественном слове, главным образом в лирике, пишут литературоведы, психологи. Однако чувство тоски со своеобразным единством с чувством ужаса стало интересовать, как известно, прежде всего философов. О нём мы можем прочитать у Л.В. Шестова (см., например, его работу «Творчество из Ничего»). К. Ясперс в рассуждениях о «пограничных ситуациях» пишет о состоянии тоски и ужаса (см. его работу «Смысл и назначение истории»). М. Хайдеггер, философ XX в., понимает это чувство гораздо шире, нежели его предшественники. Полемизируя с Ясперсом, он утверждает, что человек не только в «пограничных ситуациях», ввергающих в состояние тоски и ужаса, созерцает свою экзистенцию. Философ озадачен вопросом: благодаря чему человек осознает своё сущностное «я», видит и понимает всё то, что есть в пространстве его бытия? В.В. Биbihин, переводчик, комментатор текстов Хайдеггера, называет эту мысль философа «постоянной и по существу единственной» [2, с. 6].

С тем, чтобы подойти к пониманию ответа Хайдеггера на им же поставленный вопрос, необходимо, как нам представляется, начать рассуждения с его понятия *просвет* (Lichtung), в котором есть всё. В.В. Биbihин комментирует это слово так: «...По-русски можно было бы сказать просто “свет” в смысле мира, “белого света”» [2, с. 7]. Человек в пространстве «белого света» (мира, человечества), по Хайдеггеру, «обнаруживает себя вошедшим в круг непотаённого» [2, с. 7]. Непотаённое, как поясняет Биbihин, «это истина не в смысле правильного суждения, а в исходном смысле того, что так или иначе всегда заранее уже есть. Увидев что-либо умственным зрением, мы спешим схватить предмет и упускаем из виду свет, в котором увидели. Чем больше света, тем цепче взгляд привязан к предмету, тем меньше замечен сам по себе свет. Однако моменты озарения составляют наше бытие в более важном смысле, чем схваченные или не схваченные нами предметы. Озарение нам неподвластно. В наших силах быть только готовыми к нему» [2, с. 7].

Эти озарения, составляющие наше бытие и неподвластные нам, по Хайдеггеру, наступают в состоянии тоски, в «настоящей скуке», именно «тоской приоткрывается сущее в целом» [3, с. 20]. В ужасе, проявляющемся в состоянии тоски, философ видит силу, «сопутствующую дерзости» [3, с. 20]. Ужас «не требует никакого противопоставления себя ни радости, ни уютному самодовольству мирных занятий. Он состоит... в тайном союзе с окрылённостью и смирением творческой тоски» [3, с. 24]. Далее: *Исходный ужас может проснуться в нашем бытии в любой момент. Для этого совсем не надо, чтобы его разбудило какое-то экстравагантное событие. <...> Он постоянно готов ворваться к нам, и всё же врывается, вырывая почву из-под наших ног, лишь очень редко* [3, с. 24].

Обращение к философским рассуждениям М. Хайдеггера в контексте творчества Ф.И. Тютчева является неслучайным. Не только собственно филологические наблюдения, но и конкретное указание на схожесть в высказываниях (философских и поэтических) даёт нам право на рассмотрение образной системы Тютчева в свете отдельных философских суждений Хайдеггера. Мы имеем в виду ценное для нас замечание В.В. Биbihина о близости мыслей Хайдеггера и Тютчева. Комментируя хайдеггеровское определение «глубокой тоски, бродящей в безднах нашего бытия», которой «приоткрывается сущее в целом» (работа

«Что такое метафизика?»), Биbihин даёт ссылку на строчки из двух стихотворений Ф.И. Тютчева («Тени сизые смесились...» и «Бессонница»), в которых подобная мысль, по его мнению, выражена «в тех же словах» [4, с. 407].

Подмеченная В.В. Биbihиным схожесть в типах мироощущения Тютчева и Хайдеггера даёт нам право на осмысление многих образов поэта, их философско-эстетического выражения в свете онтологической философии М. Хайдеггера, что, в свою очередь, позволит углубиться в подтекстовые слои символически ёмких образов Тютчева.

Прежде чем приступить к интерпретации философской сути образной системы Тютчева в переключке с суждениями главным образом позднего Хайдеггера (именно этот период философа резонансно созвучен с мыслями Тютчева), необходимо представить основные хайдеггеровские положения, в первую очередь те, которые касаются проблем, как выражается философ, «кибернетического» общества, то есть общества цивилизации [6, с. 288]. Во временном отношении – это так называемое Новое время, когда человечество целенаправленно пошло по пути рационализации мира.

Философские рассуждения позднего Хайдеггера касаются того, что век индустриализации нарушает гармонию между человеком и миром, человек перестаёт быть «соотражённым с Целым» [6, с. 287]. Процесс этот доходит до крайности в культуре последних столетий. Хайдеггера крайне волнует процесс субъективизации человеческой личности, становящейся фундаментом и мерой всего бытия, что приводит к противопоставлению человеком себя бытию, миру, природе [5, с. XII–XIII].

Философа волнует состояние искусства в пределах индустриального общества, мира, который постепенно становится кибернетическим. Так, в работе «Исток искусства и предназначение мысли» он пишет: *...Современный человек отнюдь не расстаётся с своей субъективностью. <...> Индустриальное общество – это доведённая до крайних пределов «яйность», то есть субъективность* [6, с. 287].

Известно, что человеческое существование (существование индивида) определяется Хайдеггером как место в мире: немецкое Dasein («существование») – это, собственно, бытие здесь, здесь-бытие. А.В. Михайлов комментирует этот термин так: «Простейшим образом мы можем понять такое человеческое существование как некое “место”, в котором особым образом, всякий раз иначе “проявляется” – выходит наружу, “высвечивает” и осознаётся (“приходит к себе” – по Гегелю) – сам “мир” и само “бытие”. Человек – это такое бытие в мире, которое, пребывая в бытии, сопряжено с бытием – озабочено им, печётся о нём, задаётся вопросом о нём и вопрошает его. Будучи далёким от того, чтобы пониматься как “субъект”, человек есть место в бытии. Следовательно, человек – не случайно элемент целого, – нет, он получает в бытии свой смысл, он соотражён с целым – в первую очередь с миром-окружением, но также с небом и землёй. Но и бытие обретает в нём свою цельность и свой смысл» [5, с. XXII].

М. Хайдеггер – философ, который на протяжении всей своей творческой жизни отстаивал понимание человека как части Целого, поскольку он (человек) как место в бытии взаимосвязан с этим Целым, со всем мирозданием. Да, философ понимает, что разрушительный процесс субъективизации личности

в цивилизационном развитии общества с каждым столетием ускоряется, однако Хайдеггер убеждён, что человек по природной своей сущности продолжает оставаться «соотражённым с целым», что и позволяет ему в моменты озарения, часто неожиданные, воспринимать приоткрывающееся сущее. Хайдеггер пишет: *Сколь бы расколотой, однако, ни казалась повседневность, она всё-таки, пусть лишь в виде тени, ещё содержит в себе сущее как единство «целого». Даже тогда, и именно тогда, когда мы не заняты непосредственно вещами и самими собой, нас захватывает это «в целом», например при настоящей скуке. До неё ещё далеко, когда нам просто скучна эта книга или тот спектакль, та профессия или это безделье. Она врывается, когда «берёт тоска». Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом* [3, с. 20].

Состояние ужаса и тоски, приближающего человека к осмыслению «сущего в целом», по Хайдеггеру, объясняется приоткрывающимся Ничто в основании человеческого бытия [3, с. 26]. В этом своём определении он, отталкиваясь от тезиса Гегеля «Чистое бытие и чистое ничто суть одно и то же», идёт дальше, наполняет его онтологическим содержанием: *Бытие и Ничто взаимопринадлежат друг другу, однако не потому, что они – с точки зрения гегелевского понимания мышления – совпадают по своей неопределённости и непосредственности, а потому, что само бытие в своём существе конечно и обнаруживается только в трансценденции выдвинутого в Ничто человеческого бытия* [3, с. 25].

Вернёмся к стихотворениям Ф.И. Тютчева. Увиденная В.В. Библихиным схожесть рассуждений Хайдеггера о человеческой тоске с подобными мыслями Тютчева совершенно закономерна. В целом ряде произведений Тютчева присутствует ощущение тоски. Имея в виду стихотворения подобной эмоциональной тональности, мы можем говорить о том, что ощущение тоски у Тютчева становится центральным текстообразующим понятием, благодаря которому выстраиваются символически ёмкие образы экзистенциального содержания: *тоска, бездна, день, ночь* и др. Тоска как текстообразующее начало характеризует мотивы в стихотворениях поэта, объединённые смыслообразующей установкой передать «сущее в целом».

Если рассуждать о лирике Тютчева (во всяком случае большей её части), в которой «тоской приоткрывается сущее», как о едином тексте, то надо говорить об исходном символе как начальном образе, «первом звене», по Ю.М. Лотману, порождения текста. Таким исходным символом является образ тоски, который даёт значительное количество сюжетных линий в стихотворениях поэта, воспринимающихся как парадигматический ряд возможных смысловых вариантов, и способствует структурной организации содержания текста как динамического целого.

Восприятие ряда стихотворений Тютчева как единого текста позволяет нам работать с отдельными поэтическими образами как с единицами текста, выстроенными по принципу простой, в отдельных случаях циклической повторяемости семантических конфигураций. Сходный принцип очевиден и при характеристике мотивной структуры тех стихотворений, в рамках которых мы раскрываем поставленную проблему.

С другой стороны, филологическая практика показывает, что любое поэтическое произведение можно рассматривать как изолированный, самодостаточный текст и интерпретировать его, ограничиваясь только конкретным текстом. Вместе с тем учёт при анализе широкого контекста в творчестве данного поэта расширяет возможности филологического анализа произведения. В нашем случае контекстом стали отдельные онтологические суждения М. Хайдеггера, перекликающиеся с поэтической философией Ф.И. Тютчева. Эти два подхода не только не исключают друг друга, а взаимно дополняются.

Ощущение тоски – природное, почти постоянное, эмоционально-психологическое состояние Ф.И. Тютчева – становится движущей силой его творчества. Именно это ощущение одаривало его тем озарением, благодаря которому и выписывалась Тютчевым сущность бытия в его картине мира.

Образ тоски присутствует у Ф.И. Тютчева с самого начала его творчества, и, как правило, тоска – это эмоциональное состояние лирического героя в ночное время. Ночь у Тютчева – это всегда время пограничное, когда душа – «жилица» двух миров, когда она знает радость бытия и ощущает небытие. Так, уже в раннем стихотворении «Проблеск» (не позднее осени 1825 г.) ночные ощущения дают, с одной стороны, радость (*Как верим верою живою, / Как сердцу радостно, светло! / Как бы эфирною струёю / По жилам небо протекло!*), а с другой – ощущение неспособности быть небесно-возвышенным, «дышать божественным огнём», поскольку человек обречён на земное существование, он всего лишь «ничтожная пыль» (*Но ах, не нам его судили; / Мы в небе скоро устаём, – / И не дано ничтожной пыли / Дышать божественным огнём*) (Тютч., с. 33).

В двух очень близко отстоящих друг от друга по времени стихотворениях – «Видение» (не позднее первой половины 1829 г.) и «Бессонница» (не позднее 1829 г.) – даётся тоже антитеза: видение как Муза, олицетворение живого, творящего начала – в первом стихотворении; ощущение приближения «неотразимого Рока», ведущего всё и вся к Ничто, – во втором. Это Ничто в стихотворении «Бессонница» и есть та сущность бытия, которая приоткрывается в моменты неожиданного, часто случайного озарения в состоянии «настоящей скуки», которая и становится «творческой скукой» (Тютч., с. 41).

Ассоциативное восприятие текста поэта позволяет в лирических повествованиях автора видеть одного «из нас», то есть человека, осмысливающего экзистенцию своего «я», что и является постижением сущностного источника человеческой мысли. Толчковым состоянием в этом постижении становится ощущение тоски, наступающей в бессоннице:

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас? (Тютч., с. 41).

«Пророчески-прощальный глас» – это голос судьбы, как голос Ничто, который слышит человек в состоянии неожиданного ночного озарения. Автор, отождествляя себя со своими читателями, то есть со всеми нами, пишет:

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг –

И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих (Тютч., с. 41).

В переживании своего сущностного «я» человек абсолютно одинок. Такова сущность самого бытия, другого не дано. В состоянии «глубокой тоски» озаряется сущность человеческой жизни как тоска, «бродающая в безднах нашего бытия» [3, с. 20], и именно в моменты таких озарений человек осознаёт свою принадлежность бытию с его Ничто. Подобное же осознание делает его «чужаком во всём сущем» [3, с. 20], поскольку «томительная ночи повесть», то есть повесть о сущем, к постижению которой стремится человек, с одной стороны, «внятно каждому», с другой – у этой повести «язык для всех равно чужой» (Тютч., с. 41).

Любопытно, что упомянутое нами выше стихотворение «Бессонница» Тютчева перекликается с произведением Ф. Гёльдерлина «К немцам», процитированным М. Хайдеггером с целью «художественной» демонстрации основной своей мысли о сущностном в человеческом «я», о том, что изведать непостижимое и неисчислимое человек сможет только тогда, когда будет творчески вопрошать и творчески слагать, ведомый силой «творческой тоски» подлинного осмысления. Состояние это перенесёт человека в ту промежуточную область, где, принадлежа бытию, он навеки останется «чужаком во всём сущем». Стихотворение Гёльдерлина, озаглавленное «К немцам», заканчивается так:

Если, томясь, душа за пределы времён
Из теснин воспарит, горько пребудешь ты
На побережье холодном,
Меж своих, но средь всех один (цит. по [7, с. 153]).

У Тютчева есть ещё одно стихотворение с названием «Бессонница» (апрель 1873 г.), которое имеет подзаголовок «Ночной момент». Стихотворение в своём смысловом содержании перекликается с первым, строки из которого, как мы говорили ранее, цитируются В.В. Библихиным в примечаниях к работе М. Хайдеггера «Что такое метафизика?».

Эти два стихотворения, отстоящие друг от друга по времени (первое написано ближе к началу творческого пути, второе – ближе к концу), говорят о текстовом единстве произведений поэта: отдельные образы, став исходными, определяют кумулятивно-парадигматический характер художественно-образной системы произведений.

Итак, «Бессонница» («Ночной момент») тоже о тоске, приоткрывающей сущее:

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской... (Тютч., с. 398).

Вслушивание в тишину предстаёт как обязательное условие наступления тоски, взывающей к творчеству:

Всё тихо и молчит... (Тютч., с. 398).

Эта «творческая тоска» пронзает всё сущее:

И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь несколько церквей, потерянных вдали,
Блеск золочёных глав, унылый, тусклый зев
Пустынно бьёт в недремлющие очи... (Тютч., с. 398).

Тоска – состояние переживания экзистенции своего «я», когда человек ощущает свою абсолютную одинокость:

И сердце в нас подкидышем бывает,
И так же плачется, и так же изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает.
Но тщетно плачется и молится оно:
Всё вокруг него и пусто и темно! (Тютч., с. 398).

Строки Тютчева о человеческой тоске: «И сердце в нас подкидышем бывает», «Все вокруг него и пусто и темно» – свидетельство явной переключки со смысловым и текстовым выражением стихотворения «К немцам» Гёльдерлина, что в цитации Хайдеггера нами приведено выше.

Обратим внимание на образ стона, присутствующий в этом стихотворении Тютчева:

Час и другой всё длится жалкий стон,
Но наконец, слабя, утихает он (Тютч., с. 398).

«Жалкий стон» у Тютчева, «слабя, утихает». Наступает тишина. Поэт, вслушиваясь в тишину «ночной поры в пустыне городской», слышит, что в ней, тишине, «есть час один, проникнутый тоской...» (Тютч., с. 398). Кольцевая композиция соединяет начало и конец стихотворения: оно начинается с образа тишины, проникнутой тоской, и завершается им. Круг замыкается: тоска, явственная в тишине «ночной поры», и открывает «сущее в целом», отчего «сердце в нас подкидышем бывает».

В стихотворении «Тени сизые смешались...» (1835) через образ вечера вводится тоже образ тишины, в которой слышен «дальний гул», родственный «жалкому стону» из «Бессонницы»:

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул... (Тютч., с. 90).

И вновь Ф.И. Тютчев определяет время интуитивного ощущения «сущего в целом» «часом тоски невыразимой».

В стихотворении Тютчева «Тени сизые смешались...» присутствуют основные категории философии экзистенциализма: тоска, молчание, грусть, Ничто «уничтоженье», «самозабвенье». Приближение к Ничто – трансцендентной бездне, «уничтоженью», происходит в состоянии максимального самоуглубления («Всё во мне» – растворение себя «во всём»), приводящей к ощущению свободы, к «освобождению себя от плена у себя самого» (Н. Бердяев) (цит. по [8, с. 109]). Состояние трансцендирования сродни состоянию медитации, экстазу, своеобразному опьянению-засыпанию, погружению в безмолвие:

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул... (Тютч., с. 90).

Кульминационная точка трансцендирования у Тютчева высказана строкой «Всё во мне и я во всём!...», содержащей выражение Единого, Целостного. В ней есть мистическое познание мира с преодолением субъект-объектной разделённости, или, по-другому, со всесубъектностью. «Всё во мне...» – это о том,

что человек по самому своему существу нечто большее, чем то, что мы воспринимаем в нём. Он есть в некотором смысле бесконечность, потому что бесконечен в своём внутреннем, духовном мире. Как сказал С. Франк, «внутренне сращён с бесконечностью духовного царства» (цит. по [8, с. 109]). В этом «Всё во мне и я во всём!..» ощутимо нечто мистическое: человек – микрокосм, и он непостижим, как непостижим Бог.

Это стихотворение Ф.И. Тютчева, как уже было сказано в начале нашей работы, цитируется В.В. Библихиным. Представляя его анализ в контексте хайдеггеровских рассуждений о «сущем в целом», важно обратить внимание на образ тени в нём. Именно образ тени говорит о том, что человек, принадлежа бытию, остаётся «чужаком во всём сущем», поскольку сущее не объект. Тень «толкует об ином». Хайдеггер, характеризуя мир с человеком-субъектом в центре, знает о том, что сущее такого мира остаётся только «незримой тенью, которая обволакивает все вещи» [7, с. 152]. В этой «незримой тени» и содержится сущее как единство Целого. Об этом знали такие поэты мира, как Ф. Гёльдерлин, И. Гёте, Ф.И. Тютчев, А.И. Фет, Дардменд (наст. имя Закир Рамиев) и др. Вот об этой «незримой тени» и рассматриваемое стихотворение Ф.И. Тютчева.

О «неподвижной тени», обволакивающей сущее, и стихотворение «Е.Н. Анненковой» (1859):

И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обречённых заключенью,
Жизнь обхватила нас опять (Тютч., с. 186).

Эта «неподвижная тень», «толкующая об ином», как откровение бытия, приоткрывается человеку в его снах:

И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены (Тютч., с. 186).

Пробуждение оставляет человеку только «тусклую, неподвижную тень», то есть понимание того, что сущее не объект, его нет в материальном, земном мире. И опять у Тютчева образ души, «тоской томимой», которой это «иное» слышится в «звуче неуловимом» и видится во «взоре неотразимом»:

Но долго звук неуловимый
Звучит над нами в вышине.
И пред душой, тоской томимой,
Всё тот же взор неотразимый,
Всё та ж улыбка, что во сне (Тютч., с. 186).

Рассмотрим ещё два произведения Ф.И. Тютчева, написанные после смерти Е.А. Денисьевой, потрясшей душу поэта. В стихотворении «Есть и в моём страдальческом застое...» (конец марта 1865 г.) видим образ тоски, мотивированный душевными страданиями лирического героя с господствующим ощущением одиночества:

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу... (Тютч., с. 201).

Образ тени, присутствующий в этом стихотворении Тютчева, имеет уже другую семантическую окраску по сравнению с тем, что было ранее:

Вдруг всё замрёт. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет лёгкой тенью,
А под землёй, как труп, лежит оно (Тютч., с. 201).

«Лёгкая тень», которой характеризуется «минувшее», свидетельствует о том, что каким бы расколотым не казался мир двоих (Ф.И. Тютчева и Е.А. Денисьевой) в прошлом, он всё-таки содержал в себе высокий смысл, то сущее как Целое. С утратой этой «лёгкой тени» сущее как единство Целого утрачено навсегда. Причём не только в настоящем времени, в котором стало «всё пусто и темно», но и в «минувшем», то есть в памяти сердца. И, наконец, образ «лёгкой тени» вводит в эстетику произведения категорию *живого – мёртвого*: то живое за «лёгкой тенью» сейчас «под землёй, как труп, лежит оно».

В стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...» (11 мая 1865 г.), написанном после потери ещё двух дорогих для Фёдора Ивановича существ, дочери Лель (Елены) и сына Коли, ощущение покинутости дорастает до полного разлада с миром вообще и с миром природы в частности, которая продолжает жить по законам гармонии (*Певучесть есть в морских волнах, / Гармония в стихийных спорах...*), жить своей, «невозмутимой», жизнью (*Невозмутимый строй во всём, / Созвучье полное в природе...*) (Тютч., с. 202).

Жизнь человека, его душа – это другой мир, который не слышен «невозмутимой» природе. В жизни человеческой души бывают состояния «призрачной свободы», когда человек, осознавая эту «невозмутимость» природы, приходит к разладу с ней – и вдруг осознаёт, что нет сущего как единства с Целым, то есть нет единства с миром природы как с миром гармонии. Человек, «мыслящий тростник» (паскалевский образ), изначально выведен из «общего хора» мироздания, обречён «невозмутимой» природой на покинутость. А почему и за что? Ответа нет. И потому:

И от земли до крайних звёзд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянный протест? (Тютч., с. 202)

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сказать, что метод «точечной» герменевтики даёт возможность исследования резонансных созвучий в типах мироощущения и творческого мышления философа М. Хайдеггера, для стиля которого характерна поэзия слова, и поэта Ф.И. Тютчева, в лирике которого первична мысль. Символически ёмкие образы Тютчева, мотивированные «чувством тоски и ужаса», на наш взгляд, могут быть рассмотрены в свете философии позднего Хайдеггера, а творческие соотношения в работах двух мыслителей – в контексте онтологической проблемы, названной М. Хайдеггером «сущее в целом».

Источники

Тютч. – *Тютчев Ф.И. Сочинения*: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 1. – 496 с.

Литература

1. *Пигарев К.В.* Жизнь и творчество Тютчева. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 376 с.
2. *Бибихин В.В.* Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 3–14.
3. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 16–27.
4. *Бибихин В.В.* Примечания // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 407–436.
5. *Михайлов А.В.* Вместо введения. Философия просёлка // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – С. XII–XXXVI.
6. *Хайдеггер М.* Исток искусства и предназначение мысли // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – С. 280–292.
7. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 41–62.
8. *Некрасова Е.Н.* Проблема человека в русском экзистенциализме: этический аспект // Человек как философская проблема: Восток – Запад. – М.: УДН, 1991. – С. 106–118.

Поступила в редакцию
04.05.15

Саяпова Альбина Мазгаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Albina.Sayapova@kpfu.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 1, pp. 80–90

Lyric Poetry of F.I. Tyutchev According to the Late Philosophy of M. Heidegger

A.M. Sayapova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: Albina.Sayapova@kpfu.ru

Received May 4, 2015

Abstract

The paper presents an interpretation of F.I. Tyutchev's vivid philosophical system in relation to the views of M. Heidegger, whose philosophical reasoning is clearly similar to the thoughts of the Russian poet expressed in a number of his works. The symbolic and capacious images of F.I. Tyutchev motivated by "the feeling of anguish and horror" are considered in the context of the late philosophy of M. Heidegger, who was concerned with the problem of the century of industrialization disrupting the harmony between humans and the universe, when a human individual ceases to be "a reflection of the Whole". The method of "point" hermeneutics provides a possibility to investigate the resonances in the types of attitudes and artistic thinking of M. Heidegger, whose style is characterized by the poetry of word, and F.I. Tyutchev, whose poetry is based on reflection. The creative relationships in the works

of both thinkers in the context of the ontological problem designated by M. Heidegger as “the essence in general” are studied.

Keywords: hermeneutic interpretation, F.I. Tyutchev, M. Heidegger, feeling of anguish and horror, creative anguish, inspiration, essence in general, resonance

⟨ **Для цитирования:** Саяпова А.М. Лирика Ф.И. Тютчева в свете философии позднего М. Хайдеггера // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 80–90. ⟩

⟨ **For citation:** Sayapova A.M. Lyric poetry of F.I. Tyutchev according to the late philosophy of M. Heidegger. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 80–90. (In Russian) ⟩